

Очень разнообразные по тематике статьи рецензируемого сборника объединяет одно, на наш взгляд, чрезвычайно важное и ценное обстоятельство — они все написаны на основании полевых материалов, собранных авторами во время экспедиционных исследований в различных районах Средней Азии.

Открывает сборник статья Н. П. Лобачевой «Очерк культуры и быта колхозников — освоителей Кызылкумов (По материалам колхоза им. М. Горького Турткульского района Каракалпакской АССР)». Весьма удачно выбран объект исследования — многонациональный по своему составу колхоз, население которого вело в прошлом полукочевой образ жизни. На конкретном материале автор исследует процессы развития культуры сельского населения в современный период. Подробно рассматриваются вопросы национальных взаимоотношений, в первую очередь между туркменами и узбеками, составляющими большинство населения колхоза. На основе анализа материальной культуры колхозников (жилища, одежды, внутреннего убранства дома, утвари) автор делает закономерный вывод о том, что в настоящее время в их культуре быстро исчезают специфические узлокальные черты.

Положительно оценивая статью Н. П. Лобачевой, нельзя не отметить, что первый ее раздел, посвященный общественному быту колхозников, явно перегружен цифровыми данными.

Следующая статья сборника, принадлежащая Ф. Д. Люшкевич, «Этнографическая группа ирони» посвящена исследованию весьма интересной, малоизученной группы населения Узбекистана, которая в дореволюционное время из-за религиозных и социальных различий занимала своеобразное социальное положение и держалась несколько обособленно. Полевые материалы, дополненные литературными данными, позволили автору довольно обстоятельно осветить историю формирования этой этнографической группы. Однако вряд ли можно согласиться с автором, что термин «ирони» (одно из основных названий и самоназваний изучаемой группы) носит только «сбирательный характер и совершенно не имеет оттенка этнической принадлежности» (стр. 46). Вторая часть статьи посвящена исследованию некоторых сторон материальной и духовной культуры этой группы, отличающейся от культуры окружающего населения. Заканчивая краткий обзор этой интересной работы, хочется сказать, что она является удачным началом большого исследования, проводимого Ф. Д. Люшкевич по изучению этнографических особенностей иранозычного населения на территории Узбекской ССР.

Истории ремесел и ремесленных организаций у народов Средней Азии посвящены две статьи сборника. Первая из них — большая работа И. М. Джаббарова «Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX — начале XX века (Историко-этнографический очерк)» знакомит читателя с состоянием ремесленного производства в Южном Хорезме, социальной организацией узбекских ремесленников, а также с бытовыми среди них обычаями и обрядами. На основании материала, собранного во время полевой работы, автор приходит к заключению, что изменения, происшедшие в общественной и хозяйственной жизни Хорезма после присоединения к России, коснулись и ремесленных производств: расширились и усовершенствовались ремесленные предприятия, появились мануфактуры. В статье дается также небольшой обзор литературы по ремеслам и ремесленным организациям как в Южном Хорезме, так и во всей Средней Азии. Однако, к сожалению, в этом обзоре не указаны такие фундаментальные работы по изучаемой проблеме, как монография Е. М. Пещеревой и О. А. Сухаревой¹.

Истории обработки и способам литья металлов в Средней Азии посвящена статья О. А. Сухаревой «К вопросу о литье металлов в Средней Азии». Сопоставляя данные археологов и историков с собственными полевыми материалами, полученными в разных районах Узбекистана, автор приходит к заключению, что в XIX — начале XX в. в Средней Азии было распространено в основном литье чугуна и слабо развито бронзолитейное производство и литье драгоценных металлов — золота и серебра. Очень интересны данные о производстве металлических наконечников для пахотных орудий, которые составляли в XIX — начале XX в. 80—85% всей продукции литейщиков. По мнению автора, в этот период чугунные наконечники почти полностью вытеснили в Средней Азии лемеха из железа.

Большая статья А. С. Морозовой «Туркменская одежда второй половины XIX — начала XX века» является итогом многолетнего изучения автором одежды туркмен как по музейным коллекциям нашей страны, так и на основании литературных и полевых исследований. А. С. Морозова систематизировала материал, определила основные комплексы одежды, выделила специфику покроя важнейших частей женского и мужского костюмов, а также изучила основные виды и способы отделки одежды и ее украшений. Очень интересны соображения автора о генезисе и первоначальном ритуальном назначении отдельных элементов одежды туркмен, тонкие замечания об их культуре, как мате-

¹ Е. М. Пещерова, Гончарное производство в Средней Азии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XV, М.—Л., 1959; О. А. Сухарева, Позднефеодалный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность, Ташкент, 1962.

риальной, так и духовной, а также о культурном взаимодействии туркмен и других народов Средней Азии, Казахстана и Передней Азии. Так, например, автор связывает бытование у некоторых туркменских племен женских покрывал с сохранением пережитков зороастрийского религиозного культа (стр. 214). При довольно тщательном разборе всех деталей и элементов как женской, так и мужской одежды туркмен, к сожалению, в работе содержится очень мало данных об обуви и носках.

Интересный новый материал содержится в публикации А. Л. Троицкой «Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков Верхнего Зеравшана». В статье описываются разные обряды, а также рассказывается о знахарстве у горных таджиков. Ценность материалов очень велика: они были собраны автором в первые годы Советской власти в изолированном от внешнего мира районе, где древние обряды, обычаи и поверья сохранились в более или менее неизменном виде. Подчас сообщаются уникальные сведения, например, о существовании в кишлаке Мадрушкат в то время обычая помещать на могилах умерших небольшие по размеру куклы в виде мужчин или женщин (стр. 241). Этот обычай является, скорее всего, одним из пережитков доисламских религиозных верований. Интересны и другие обычаи, зафиксированные в этом кишлаке.— отсутствие уплаты калыма среди бедных (стр. 226), шуточная борьба молодых мужчин, несущих калым в дом невесты, с представителями стороны невесты (стр. 229) и многое другое. Приходится только сожалеть, что автор данной работы не попытался проанализировать все эти весьма любопытные стороны жизни таджиков Верхнего Зеравшана. Не всегда последователен бывает автор и при раскрытии того или иного этнографического термина. Вряд ли здесь нужно говорить о том, что исследование истории происхождения терминов имеет важное значение для определения этногенетических и культурно-исторических связей того или иного народа. Хочется пожелать, чтобы А. Л. Троицкая и в дальнейшем публиковала свои полевые материалы, ставшие в наши дни уникальными, но ушла, насколько это возможно, высказанные пожелания.

Г. П. Снесарев в статье «К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте» доказывает, что акт обрезания у мусульман Средней Азии является лишь частью целого комплекса различных по своему генезису представлений и церемоний, составляющих праздник суннат-той. В работе подчеркивается, что в подготовке и проведении этого праздника (в размещении гостей, приготовлении праздничного угощения и т. д.) большое участие принимают соседи. На основе этого автор совершенно справедливо утверждает, что суннат-той являлся торжеством, которое устраивала не одна семья, а вся сельская община, являющаяся наследницей исчезнувшего в свое время кровнородственного коллектива.

Работа Г. П. Снесарева имеет также большое практическое значение, так как в ней дается резко отрицательная характеристика этого обычая и показывается полная несовместимость его с современной социалистической действительностью.

«Формы организации труда в общинах некоторых районов поливного земледелия Средней Азии (конец XIX — начало XX в.)» — так называется статья Р. Я. Рассудовой, которой завершается сборник. В работе показывается, что в сельских общинах Средней Азии, где уже исчезли переделы земель и установилась подворно-наследственное землеустройство, еще преобладала коллективная форма организации труда нескольких хозяйств, хотя наряду с этой формой были и другие: самостоятельный труд одной семьи и совместный труд членов одной семьи и наемных работников. Последние две формы организации труда отражали, по мнению Р. Я. Рассудовой, существование социальной дифференциации крестьянства. В то же время, отмечает автор, сельская община сохраняла свое единство при работах, связанных с устройством и ремонтом оросительной системы. На основании полевого материала автор делает вывод, что коллективная помощь оказывалась какому-либо хозяйству («хашар» или «алгов») не безвозмездно, как утверждают многие исследователи, а на основе взаимных расчетов, которые, однако, производились не сразу и не обязательно в одинаковой форме.

Заканчивая краткий обзор сборника, хочется еще раз подчеркнуть, что, во-первых, все его статьи содержат богатый фактический материал, во-вторых, этот материал в большинстве своем послужил надежной основой для интересных и важных выводов, касающихся различных, зачастую еще малоизученных, проблем этнографии Средней Азии. В этом отношении рецензируемый сборник успешно продолжил традиции, заложенные предыдущими среднеазиатскими этнографическими сборниками², традиции, которые будут, надо надеяться, умножены в последующих выпусках. Желательно только, чтобы в дальнейшем был сокращен разрыв во времени между очередными выпусками сборников.

В. П. Курылев

² «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. 21, М., 1954; «Среднеазиатский этнографический сборник», II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. 47, М., 1959.